

В глубокой кувшинке, где цвели спасительные лотосы, бесшумно плеснулась серебряная крылатая рыба. Выпрыгнув из воды, она вспыхнула золотистыми знаками — её тело едва не раздулось до истинных размеров, но невидимая сила сжала хребет, заставив сжаться до прежней крохи и с тихим всплеском кануть обратно.

Янь Фэйду даже не повернулся на этот шум. Палец его покоился на вытянутой мохнатой лапке Хан Цзянсюэ — бессмертный выравнивал его пульс.

Убедившись, что зверек всего лишь подхватил дурную лихорадку, Янь Фэйду велел марионетке с духовным сосудом заняться отваром.

Сам Бог поветрий не сходил в смертный мир, но жертвенные курения разносили его хворобу. И хотя духовные силы Янь Фэйду еще не восстановились, его плоть закалил небесный гром — моровая язва не могла задеть бессмертного. А вот кролик, едва переступивший порог бренного мира, оказался абсолютно беззащитен.

К счастью, беде легко можно было помочь.

Хан Цзянсюэ полуоткрыл мутные глаза и пробормотал:

— Бессмертный... мы вернулись? Почему... почему так лапа болит?..

С чего бы простуде отдавать в заднюю лапу?

Янь Фэйду оглядел пациента. Кролик горел в бреду, но вел себя так, будто перебрал крепкого вина: задрал заднюю лапку, он отчаянно пытался затянуть ее себе за ухо.

С таким ревностным усердием боль была неизбежна.

Янь Фэйду вздохнул, опустил лапку бедолаги и уже в третий раз за вечер укутал его в одеяло.

— Будешь буйствовать — свяжу, — буднично пригрозил он.

Хан Цзянсюэ подсознательно издал жалобный писк и покорно зарылся носом в перину.

Кролик подхватил болезнь по его вине, выбравшись на рынок демонов и призраков, так что Янь Фэйду выхаживал его без колебаний. Он и не подозревал, что обычно послушный Хан Цзянсюэ, заболев, превратится в сущую суматоху.

Когда марионетка принесла горячее зелье, оставалось лишь вылить его больному в глотку, но кролик, хоть и бредил, сжал три плотные губы так, что не пролезла бы и иголка. Стоило Янь

Фэйду попытаться разжать его мордочку, как зайчонок прятал голову в одеяло и с жалобным писком уползал прочь.

Янь Фэйду перенес его в собственную спальню. Постель была слишком велика, поэтому он велел кукле принести неглубокий плетеный коробок, выставив его хлопком и крошечным одеяльцем. Так кролик оставался под присмотром, и бессмертный мог не опасаться, что тот задохнется во сне.

Теперь же этот коробок отчаянно качался и подпрыгивал по всей кровати. Едва не свалившийся на пол, он был вовремя подхвачен крепкой рукой.

Слезливый писк кролика начинал изрядно допекать.

«Не хочешь — не пей. Пропотей и так», — решил Янь Фэйду, отставляя пиалу.

Стоило лекарству отдалиться, как Хан Цзянсюэ мгновенно высунул мордочку. Кроличьи глаза горели круглыми пуговками — и ни единой слезинки.

Янь Фэйду молча смерил его взглядом.

Хан Цзянсюэ погладил себя лапкой по животику:

— Кушать хочу...

Когда марионетка принесла миску с жидкой кашицей из овощей и мяса, кролик есть отказался. Вместо этого он возрился на хозяина дома:

— Покорми меня.

Янь Фэйду на мгновение замер. Это что, попытка сесть ему на шею, прикрываясь болезнью?

Типичные замашки «кошачьего слуги» — пусть даже под видом кошачьего утешителя скрывался обыкновенный ушастый.

Янь Фэйду был не из тех, кто смутится от чужих слез: умри перед ним человек, он бы и бровью не повел. Но стоило ему встретиться взглядом с этими блестящими кроличьими глазами, как сердце почему-то давало слабину.

Он зачерпнул неполную ложку и непривычным движением поднес к мордочке. Зайчонок тут же с аппетитом сглотнул угощение.

— У-у... пресно, — просопел Хан Цзянсюэ, но, будучи голодным, снова широко зажмурился и распахнул рот.

На этот раз ложка принесла нестерпимую горечь!

Кролик ошеломленно распахнул глаза. Янь Фэйду невозмутимо отставил ложку, измазанную темным отваром, и снова набрал каши.

— Бессмертный... ты что, подмешиваешь мне лекарство?

— Какая глупость, — без тени смущения отозвался Янь Фэйду.

Зайчонок попытался порассуждать... но туман в голове помешал. Он снова послушно открыл рот.

Спустя три ложки каши и три ложки целебной горечи до Хан Цзянсюэ наконец дошло!

— Ты правда кормишь меня снадобьем!

Кролик обиженно поджал губы, уткнувшись мордочкой в лапки.

— Кто вообще пьет эту дрянь, когда болеет!

Янь Фэйду даже растерялся:

—... Ты сам-то соображаешь, что несешь?

Он отослал марионетку с пустой посудой — к счастью, порции для кролика требовались мизерные, так что и еда, и лекарство благополучно оказались внутри.

Однако Хан Цзянсюэ всхлипывал без остановки. Янь Фэйду нахмурился, опасаясь, как бы тот не задохнулся от собственной истерики.

— Лекарство уже внутри. Чего тебе еще?

Хан Цзянсюэ опустил лапки. Глаза его оставались абсолютно сухими. Столько шуму — и ни одной слезы.

— Вылижи мне шубку.

Кролик серьезно уставился на него, будто просил о самом обыденном. В их прежней норе, кто бы ни занемог — большой кот, котенок или крольчонок, — мама-кошка первым делом вылизывала больного, а остальные помогали.

Янь Фэйду онемел. Даже если он лично нанял этого «кошачьего слугу», зайти настолько далеко он не мог. Кажется, лихорадка окончательно лишила зверька рассудка.

Видя, что вылизывать его никто не собирается, Хан Цзянсюэ снова затянул свою бесслезную песню. Янь Фэйду, не любитель долгих сомнений, просто протянул руку и погладил кролика по пушистой макушке.

Если вылизать нельзя, то почесать-то можно?

Зайчонок замер. Теплое прикосновение явно принесло ему облегчение. Он медленно повалился на спину, подставив мягкий розоватый животик:

— Погладь пузико!

Янь Фэйду пощекотал его брюшко. Хан Цзянсюэ заскрипел от удовольствия, свернулся калачиком, а затем... зарылся носом в подушку и тихо захрапел.

Уснул?

Янь Фэйду убрал руку, разглядывая спящий пушистый комок. От этой непростой заботы о кролике на лбу бессмертного даже выступила легкая испарина.

Он легким щелчком задел кроличий лоб:

— Какой из тебя дух-кролик... Ты самый настоящий капризный дух.

«Капризный дух» пошевелил носиком, поджал лапки и обнял палец Янь Фэйду:

— Бессмертный... тебе нужно выпить лекарство... чтобы поправиться...

Даже в бреду он помнил про чужие болячки.

Янь Фэйду взглянул в окно. Небо заволакивали сумерки. Обычно он принимал снадобье дважды в день, и сейчас как раз подходило время для второй пиалы.

Черты его лица смягчились, но в следующую секунду кролик снова причмокнул розовыми губами:

— Ты же... такой хлипкий...

Янь Фэйду молча перевел взгляд на окно.

В эту ночь он решил обойтись без снадобья.

\*\*\*

За дверью послышался едва различимый шорох. Янь Фэйду открыл створку и увидел двух хомяков, усердно тащивших крошечное деревянное ведерко и мокрое полотенце.

Пришли ухаживать за приятелем?

— Он уже спит. Не шумите, — шепнул бессмертный.

Хомяки истоиво закивали! Ведерко тут же выскользнуло у них из лап, с грохотом рухнуло на пол и залило доски водой.

В комнате раздался испуганный писк — Хан Цзянсюэ проснулся и от обиды запричитал снова.

Янь Фэйду прижал ладонь ко лбу. Подобное чувство суматохи не посещало его с тех пор, как он покинул Обитель Опавших Персиков.

И все же... пищание от страха хомяки на полу и рассерженный кролик, сучащий лапами в постели — разве не напоминало это уютные дни в родной обители?

\*\*\*

Хан Цзянсюэ проспал неизвестно сколько. Проснулся он с тяжелой, будто налитой свинцом головой. На лбу лежала прохладная влажная тряпица.

Рядом с его плетеным коробом, свернувшись калачиком, сопели два хомячка.

Зайчонок осмотрелся. Это была спальня Янь Фэйду, но где же сам хозяин?

Цепляясь за одеяло, Хан Цзянсюэ неуклюже сполз на пол, перевалился через высокий порог и выкатился на галерею.

И там, под холодным светом луны, он увидел бессмертного, танцующего с мечом.

В смертном мире фехтовальщики любили превращать бой в изящное зрелище, где легкий клинок порхал, словно шелковая лента.

Янь Фэйду же рассекал снег.

Длинный меч в его руке — от навершия до самого кончика — ослепительно сиял серебром.

Одинокая луна на ночном небе казалась поблекшей, будто весь ее чистый свет перетек в холодную сталь в руках Янь Фэйду.

Тонкий клинок рассекал падающие хлопья. Каждый взмах на лету перерубал снежинки, и мечевой ветер, сменив ледяной буран, вздымал над галереей одну снежную волну за другой.

Но вот рисунок изменился. Удар следовал за ударом, скрываясь в вихре белой круговерти, не оставляя следа и заставляя сам снегопад замереть в смятенье.

Плотная пелена была рассечена этой яростной силой, пробившей в тучах чистое окно, но неистовый порыв не утихал — он увлекал снежные массы все выше, к самым небесам!

Хан Цзянсюэ затаил дыхание. Вздыбившийся дракон из белого шелка был так могуч, что, казалось, мог легко дотянуться до самого лунного дворца и сорвать коричное древо!

Однако на полпути этот сокрушительный порыв был разбит встречным взмахом клинка.

Снежные хлопья тяжелым саваном опали вниз, оседая на смоляных волосах и бледной коже Янь Фэйду.

Он повернулся и заметил кролика, который вместо того чтобы лежать в постели, вылез на холод.

Бессмертный в белых одеждах вернулся под навес галереи, поднял брошенный на перила красный халат, накинул на плечи и поднялся по ступеням.

С каждым его шагом Хан Цзянсюэ все четче видел клинок. Меч не был вложен в ножны — его голое серебряное лезвие продолжало мерцать в темноте. На рукояти, обернутой акульим шелком, вместо кисти сияла одинокая жемчужина.

— Почему не спишь? — Янь Фэйду остановился перед кроликом, наклонился и коснулся его макушки. Горячая. — Все еще горит.

Хан Цзянсюэ неуклюже замахал передними лапками, пытаясь повторить движения меча:

— Бессмертный... твой меч... это так невероятно!

Янь Фэйду не стал смеяться над ним. Понаблюдав за его потугами, он подхватил малыша и отнес обратно в короб.

Но кролик и не думал засыпать. Он смотрел на бессмертного горящими, восхищенными глазами:

— Я хочу учиться мечу!

Янь Фэйду повесил халат на ширму и подошел к кровати:

— Нельзя. Мне пора отдыхать.

Заметив, что зайчонок снова намеревается вылезти, Янь Фэйду легким нажатием пальца уперся ему между ушей:

— Что сделать, чтобы ты наконец уснул?

Хан Цзянсюэ наклонил голову. От головокружения он терял равновесие — голова поехала вбок, и он повалился на одеяло, беспомощно суча короткими лапками.

Растекшись пушистой лепешкой и подняв длинные ушки, он возрился на Янь Фэйду:

— Нужен «цзюми»!

Янь Фэйду нахмурился:

— Что еще за «цзюми»?

Голова у шального кролика окончательно сгорела от лихорадки, и он со всей капризной уверенностью заявил:

— Без «цзюми» и поцелуя я вообще не усну!